

TERRY PRATCHETT

Equal Rites

Огромная благодарность Нилу Гейману, одолжившему нам последний сохранившийся экземпляр «Liber Paginaum Fulvarum», и большой привет всем ребятам из Воскресного клуба поклонников Г. Ф. Лавкрафта.

С самого начала хотелось бы расставить все точки над *i*. Эта книга не «с приветом». «С приветом» бывают только тупоголовые рыжие девицы в комедиях пятидесятих годов.

Но она и не с приколом.

Эта книга про волшебство, про то, куда оно девается и — что, наверное, намного важнее — откуда берется. Хотя данный манускрипт не претендует на то, чтобы ответить на какой-либо из вышеозначенных вопросов.

Тем не менее он, вероятно, поможет объяснить, почему Гэндальф никогда не женился и почему Мерлин был мужчиной. Видите ли, эта книга также касается вопросов пола — не того, деревянного, паркетного или земляного, — а мужского и женского. Поэтому герои могут в любой момент выйти из-под контроля автора. Такое случается.

Но прежде всего эта книга про мир. Вот он приближается. Смотрите внимательно, спецэффекты обошлись недешево.

Слышится звук контрабаса. Глубокая, вибрирующая нота, намекающая на то, что в любую секунду может вступить духовая секция, насыщая космос фанфарами. Сцена представляет собой черноту космического пространства, в которой мерцает несколько звезд, похожих на перхоть на плечах Создателя.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Потом откуда-то сверху появляется она (или он), огромное, чем самый огромный, мерзко ощетинившийся пушками звездный крейсер, рожденный воображением режиссера-космотолога. Это черепаха, черепаха длиной десять тысяч миль. Это Великий А'Туин, одна из редких космических рептилий, обитающих во вселенной, где вещи меньше всего похожи на то, какими они должны быть, а скорее выглядят такими, какими люди их себе представляют. Великий А'Туин несет на своем изрытом метеоритными кратерами панцире четырех гигантских слонов, которые держат на исполинских плечах громадный круг Плоского мира.

Камера отъезжает, и в поле зрения появляется весь Диск, освещенный крошечным, вращающимся вокруг него солнцем. Здесь присутствуют континенты, архипелаги, моря, пустыни, горные цепи. Имеется даже малюсенький центральный ледниковый покров. Обитателям этого мирка глубоко чужды теории о том, что земля обязана иметь форму шара. Их мир, обрамленный океаном, который вечно низвергается в пространство одним гигантским водопадом, — этот мир круглый и плоский, как геологическая пицца, хоть и без анчоусов.

Подобный мир может существовать только потому, что даже у богов есть чувство юмора. А еще он просто обязан быть местом магическим. И разделенным по половым признакам.

Он шел сквозь грозу, и в нем сразу можно было признать волшебника — отчасти по длинному плащу и резному посоху, но главным образом по дождевым каплям, которые зависали в нескольких футах над его головой и превращались в пар.

То был край суровых гроз, верховья Овцепикских гор, край зазубренных пиков, густых лесов и маленьких речных долин, настолько глубоких, что не успевал дневной свет добраться до дна, как ему уже было пора возвращаться обратно. Растрепанные клочья тумана льнули к менее высоким утесам, виднеющимся над горной тропой, по которой, скользя и оступаясь, брел волшебник. Несколько коз наблюдали за ним глазками-щелочками, в которых светился легкий интерес. Да только чтобы заинтересовать коз, много не нужно.

Периодически волшебник останавливался и подбрасывал тяжелый посох в воздух. Посох, приземляясь, всегда указывал в одну и ту же сторону. Хозяин со вздохом поднимал его и, хлюпая по грязи, брел дальше.

Гроза, рокоча и ворча, обходила холмы на ногах-молниях.

Волшебник скрылся за поворотом, и козы снова принялись щипать мокрую траву.

Но что-то заставило их оторваться от этого занятия. Козьи глаза расширились, ноздри раздулись. Хотя на тропе ничего не было. Но козы все равно провожали взглядами это «ничто», пока оно не скрылось из виду.

В узкой долине, зажатой между крутыми лесистыми склонами, примостилась деревушка, совсем крошечная, ее ни в жизнь не найдешь на карте гор. Она едва заметна даже на карте самой деревни.

По сути, это было одно из мест, которые существуют только для того, чтобы люди могли происходить отсюда родом. Вселенная кишмя кишит такими местечками — укромными деревушками, открытыми всем ветрам городками под бескрайним небом, одинокими хижинами в промозглых горах. Согласно истории, в этих невероятно заурядных местах зачастую берет начало нечто необычайное. Как правило, об этом свидетельствует лишь маленькая табличка, сообщающая, что вопреки всякой гинекологической вероятности именно в этом домишке и в этой комнатке (поднимите глаза, вон то окно) родился кто-то весьма и весьма знаменитый.

Когда волшебник пересек узкий мосток над вздувшимся ручьем и направился к деревенской кузнице, меж домами клубился туман. Впрочем, эти два факта не имеют друг с другом ничего общего. Туман

бы клубился в любом случае: это был опытный туман, который возвел умение клубиться в ранг высокого искусства.

В кузнице, разумеется, было полно народу. Кузница — единственное место, где наверняка можно согреться и перекинуться с кем-нибудь словом. Несколько жителей деревни сидели развалясь в теплом полумраке, однако появление волшебника заставило их выжидающе выпрямиться. С незначительным успехом они попытались принять умный вид.

Однако кузнец не счел нужным проявлять подобное подобострашие. Он кивнул волшебнику, но то было приветствие равного равному. Любой мало-мальски сведущий кузнец знает, что такое магия и как с ней управляться, — хотя некоторые лишь тешат себя.

Волшебник поклонился. Спавшая у горна белая кошка проснулась и окинула его внимательным взглядом.

— Как называется эта деревня, почтенный? — осведомился волшебник.

— Дурной Зад, — пожав плечами, ответил кузнец.

— Дурной?..

— Зад, — повторил кузнец.

«Ну, давай, давай, — хорохорился его вид. — Попробуй только отпустить какую-нибудь шуточку».

Волшебник обдумал доведенную до его сведения информацию.

— Видать, за этим названием скрывается какая-то история, которую, сложишь обстоятельства иначе, я бы с удовольствием выслушал, — сказал он наконец. — Но я хотел бы поговорить с тобой о твоём сыне.

— О котором? — поинтересовался кузнец, и его приспешники подобострастно захихикали.

Волшебник улыбнулся.

— У тебя ведь семь сыновей... А сам ты был восьмым сыном.

Лицо кузнеца застыло. Он повернулся к остальным.

— Так, дождь почти закончился. Чешите все отсюда. Мне и... — вопросительно приподняв брови, он посмотрел на волшебника.

— Драм Биллет, — представился тот.

— Мне и господину Биллету надо перекинуться парой слов.

Он неопределенно махнул молотом, и присутствующие, оглядываясь через плечо — вдруг волшебник отколет что-нибудь напоследок, — один за другим разошлись.

Кузнец вынул из-под верстака пару табуретов, вытащил из стоящего рядом с бочкой воды буфета бутылку и налил в два маленьких стаканчика какую-то прозрачную жидкость.

Волшебник и кузнец сидели и смотрели на дождь. Над мостом стелился туман.

— Я догадываюсь, какого сына ты имеешь в виду, — сказал вдруг кузнец. — Старая матушка сейчас наверху, у моей жены. Восьмой сын восьмого сына. Мне приходило это в голову, но, честно говоря, я как-то не обольщался. Ну-ну. Волшебник в семье, а?

— Быстро соображаешь, — буркнул Биллет.

Белая кошка соскочила со своей лежанки, неторопливо пересекла кузницу, вспрыгнула ему на колени

и свернулась в клубок. Тонкие пальцы волшебника начали рассеянно поглаживать ей спинку.

— Ну-ну, — повторил кузнец. — Волшебник в Дурном Заду, а?

— Возможно, возможно, — ответил Биллет. — Но сначала ему придется закончить Университет. И очень может быть, дела у него пойдут успешно.

Кузнец рассмотрел это предположение со всех сторон и решил, что оно ему нравится. Вдруг его словно осенило.

— Погоди-ка! — воскликнул он. — Помню, отец некогда рассказывал мне... Волшебник, знающий, что смерть его близка, может вроде как передать свое, ну, вроде как волшебство вроде как преемнику, верно?

— Верно, — согласился волшебник. — Правда, мне никогда не удавалось изложить это столь кратко и доходчиво.

— Значит, ты вроде как скоро умрешь?

— О да.

Пальцы волшебника пощекотали кошку за ухом, и та замурлыкала.

На лице кузнеца отразилось смущение.

— Когда?

Волшебник поразмыслил секунду.

— Минут через шесть.

— О-о.

— Не волнуйся, — успокоил волшебник. — По правде говоря, я жду этого с нетерпением. Я слышал, это совершенно не больно.

Кузнец обдумал его слова.

— И кто тебе такое сказал? — изрек он наконец.

Биллет сделал вид, будто погрузился в свои мысли. Он смотрел на мост, пытаясь разглядеть в тумане красноречивое завихрение.

— Слушай, — окликнул его кузнец. — Ты бы лучше объяснил мне, как правильно воспитывать волшебника. Видишь ли, в наших краях волшебников отродясь не бывало и...

— Все уладится само собой, — любезно заверил его Биллет. — Магия привела меня к тебе, она же позаботится обо всем остальном. Так оно обычно бывает. Кажется, я слышал крик?

Кузнец поднял глаза на потолок. Сквозь шум дождя до них донеслись звуки, издаваемые парой новеньких, работающих на полную мощь легких.

Волшебник улыбнулся.

— Пусть его принесут сюда.

Кошка у него на коленях уселась и заинтересованно уставилась на широкую дверь кузницы, а потом, когда кузнец подошел к лестнице и окликнул тех, кто был наверху, соскочила на пол и неторопливо удалилась в противоположный угол, мурлыча, словно ленточная пила.

По ступенькам спустилась высокая худая женщина, которая держала в руках нечто, завернутое в одеяло. Кузнец торопливо повел ее к волшебнику.

— Но... — запротестовала она.

— Это очень важно, — напыщенно перебил ее кузнец. — Что нам делать теперь, господин?

Волшебник поднял свой посох. Посох достигал в высоту человеческого роста и был толщиной с Биллетово запястье. А еще его покрывала резьба,

которая (кузнец аж сморгнул) менялась на глазах, будто не хотела, чтобы посторонние видели, что именно она изображает.

— Ребенок должен взять его в руку, — сказал Драм Биллет.

Кузнец кивнул, покопался в складках одеяла и, отыскав там маленький розовый кулачок, осторожно поднес его к посоху. Крошечные пальчики крепко обхватили отполированное дерево.

— Но... — вмешалась повитуха.

— Все в порядке, матушка, я знаю, что делаю. Она ведьма, господин, не обращай на нее внимания. Так, что теперь?

Волшебник не ответил.

— Что нам делать те...

Кузнец, осекшись, наклонился и вгляделся в лицо старого волшебника. Биллет улыбался, но одним богам было ведомо, что показалось ему таким забавным.

Кузнец сунул ребенка лихорадочно мечущейся женщине, как можно более уважительно разогнул тонкие, бледные пальчики и высвободил посох.

Посох был странно маслянистым на ощупь, словно статическое электричество. Само дерево казалось почти черным, но резьба выделялась на нем светлыми пятнами и резала глаз, стоило попробовать к ней присмотреться.

— Ну что, доволен собой? — спросила повитуха.

— А? О да. По правде говоря, да. А что?

Она откинула складку одеяла. Кузнец опустил взгляд и сглотнул.

— Не может быть. Он же сказал...